

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А XII¹⁾.

Мои публичныя чтенія, доклады и рефераты. — Ихъ многочисленность и значеніе въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго вѣка. — „Соціальный миръ“, какъ ихъ главное содержаніе. — Лекція „Великаны промышленности“, ея происхожденіе и сущность. — Странное совпаденіе противоположныхъ послѣдствій: протестъ социалистовъ и запрещеніе того же чтенія въ провинціи правительственными органами. — Какъ это согласовать?... — Лекція „Милліоны и что съ ними дѣлать?“, ея содержаніе, огромный успѣхъ и сборъ, одушевленіе слушателей и вызовъ пожертвованій на добрыя дѣла. — Общее вниманіе, сочувствіе въ Москвѣ и провинціи. — Просьбы о помощи и голоса изъ публики. — Какъ заключеніе, Петербургская сатира...

Нослѣднія четыре главы моихъ „Воспоминаній“ посвящены разнымъ видамъ практической пробы моихъ силъ и знаній въ формѣ тѣхъ или иныхъ изслѣдованій. Мнѣ кажется, по справедливости, къ такимъ же пробамъ этихъ силъ надо причислить и мои многочисленные чтенія, рефераты, доклады въ ученыхъ обществахъ и, наконецъ, публичныя лекціи, въ чемъ я особенно часто упражнялся и несомнѣнно заслужилъ большое сочувствіе въ московской публикѣ, выразившееся наглядно въ многихъ тысячахъ рублей, мною собранныхъ для разныхъ благотворительныхъ цѣлей. Многіе изъ моихъ избранныхъ трудовъ имѣютъ въ сущности одинаковое происхожденіе и были публично прочитаны²⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1911.

²⁾ Перечислю лишь важнѣйшіе:

1) „Очерки и изслѣдованія“ въ двухъ томахъ. 1884.

2) „Часы досуга“. Москва. 1896 г.

Само собой разумѣется, что я не сразу приспособился къ публичному чтенію, которое гораздо труднѣе университетскаго и требуетъ больше искусства, приобретаемаго лишь постепенно, путемъ практики. Каждому профессору, усердно занятому обработкой своихъ лекцій, весьма скоро становится знакомымъ уровень развитія и требованій своихъ обычныхъ слушателей — студентовъ и слѣдовательно онъ можетъ, коли пожелаетъ, къ нимъ въ достаточной степени приспособиться своимъ изложеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ среднемъ этотъ уровень довольно однообразный и примѣрно одинаковый. По лицамъ своихъ слушателей внимательный профессоръ немедленно можетъ опредѣлить, хорошо ли понимаютъ его слушатели или нѣтъ; если онъ замѣчаетъ хоть одинъ недоумѣвающий взглядъ, это означаетъ, что данный абзацъ изложенъ неясно или неопредѣленно и надо его разъяснить по возможности быстро, какимъ-нибудь вставнымъ предложеніемъ или примѣромъ, не отрываясь замѣтно отъ общаго хода чтенія, чтобы слушатели не потеряли нить изложенія.

Гораздо труднѣе является рѣшеніе того же самаго вопроса на публичномъ чтеніи, передъ разношерстной публикой, а не студентами, примѣрно одной степени развитія и образования. Тутъ невозможно и даже не должно обращать вниманіе на каждаго слушателя, а приходится приспособиться, такъ сказать, къ среднему слушателю, что дѣлается лишь путемъ извѣстнаго опыта, болѣе или менѣе продолжительнаго. Я замѣтилъ, напримѣръ, что если вниманіе публики утомлено, то надо его поднять какимъ-либо вводнымъ предложеніемъ или эпизодомъ: слушатели видимо настораживаются и начинаютъ прислушиваться внимательнѣе. Намеки на интересы минуты или политики замѣтно также оживляютъ аудиторію, особенно если взятый примѣръ производитъ нѣкоторую сенсацію. Я съ успѣхомъ много разъ пользовался этимъ приѣмомъ, при чемъ даже двухчасовая длина лекцій не вызывала видимой скуки, и чтеніе дослушивалось внимательно до конца. При этомъ непремѣнно соблюдалось одно условіе рѣчи—говорить *viva voce*, а отнюдь не читать; лишь единственный случай, мнѣ извѣстный у насъ, составляетъ исключеніе, это — В. О. Ключевскій, который *читаетъ свои лекціи*, какъ бы говоритъ; но этотъ приѣмъ, вѣроятно, требуетъ продолжительной и упорной подготовки.

Наибольшее число публичныхъ лекцій было прочитано мною

3) „Экономическая оцѣнка народнаго образованія“. 2-е изд. 1899 г. Спб. (разныхъ авторовъ).

4) „Въ поискахъ лучшаго будущаго“. Спб. 1893 и 2-е изд. въ 1908 г.

5) „Между дѣломъ“. 1904 г.

въ 80-хъ и 90-хъ годахъ на самыя различныя темы и съ разными цѣлями. Ихъ такъ много, что я рѣшительно не нахожу возможнымъ перечислять ихъ, тѣмъ болѣе, что многія не вошли даже въ сборники моихъ статей и не были перепечатаны. Назову лишь нѣкоторыя, имѣвшія особенно выдающійся успѣхъ или чѣмъ-нибудь отличавшіяся. Главной моей заботой передъ публичной лекціей былъ прискорбный вопросъ, разрѣшать ли ее; требовалась длинная предварительная процедура хлопотъ о разрѣшеніи съ представленіемъ не только программы, но иногда даже подлиннаго текста лекціи и обязательства читать по нему.

Слава Богу, меня лично нѣкоторыя изъ этихъ бессмысленныхъ формальностей миновали, хотя тѣмъ не менѣе, какъ я передамъ дальше, и я дождался запрещенія или недопущенія моихъ лекцій въ цѣломъ рядѣ городовъ, которые хотѣли ихъ послушать. Въ высшей степени комично, если бы это не было въ то же время жалко, то обстоятельство, что относительно одной моей лекціи— „Великаны промышленности“ — въ 1898 г. выступила рядомъ съ администраціей провинціальныхъ городовъ или, можетъ быть, распоряженіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какая-то подпольная партія социалистовъ, которая съ точки зрѣнія своихъ интересовъ выпускала пасквили противъ меня и моихъ чтеній, всячески предостерегая публику отъ ихъ посѣщенія. „Les beaux esprits se gencotent!...“ Чтобы въ достаточной степени понимать этотъ странный случай, необходимо хоть вкратцѣ ознакомиться съ сущностью содержанія самихъ лекцій послѣдняго времени, передъ уходомъ моимъ изъ Московскаго университета и переселеніемъ въ Петербургъ.

Особый успѣхъ въ 90-хъ годахъ имѣли слѣдующія лекціи, повторенныя по нѣскольку разъ и въ разныхъ городахъ: „Народный Дворецъ въ Лондонѣ“, „Поселенія въ Восточномъ Лондонѣ“, „Великаны Промышленности“ и „Милліоны“... Послѣднія лекціи были моей своего рода „Лебединой“ пѣснею. Больше я ничего публично не читалъ, и переселившись въ это время въ Петербургъ, лишь повторилъ послѣднія двѣ лекціи съ благотворительной цѣлью и даже два раза, но, конечно, далеко не съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Москвѣ.

Общее содержаніе указанныхъ чтеній — *соціальный миръ*, т. е. установленіе мира и согласія, вмѣсто борьбы и раздора съ различными, якобы классовыми интересами въ промышленныхъ классахъ: я всегда думалъ и глубоко былъ убѣжденъ, что періодъ классовой борьбы въ значительной степени миновалъ и отжилъ свой вѣкъ; во всякомъ случаѣ уже кончается, если не кончился, и его мѣсто должны за-

ступить соглашеніе интересовъ, т. е. попытки и приемы къ возможному примиренію выгодъ классовъ предпринимателей и рабочихъ. Въ этой основной послылкѣ заключается сходство всѣхъ моихъ послѣднихъ лекцій въ данномъ отношеніи; но судьба лекцій была совершенно различна. „Великаны Промышленности“ въ сущности того же самаго содержания, настроенія и духа, какъ и прочія указанныя лекціи, вмѣстѣ съ аплодисментами и большимъ денежнымъ сборомъ въ филантропическихъ цѣляхъ, навлекли на мою голову ругань московскихъ социалистовъ и даже пасквили, распространяемые въ Москвѣ; но всего комичнѣе—административное запрещеніе этой лекціи въ нѣсколькихъ городахъ, въ унисонъ съ желаніемъ авторовъ пасквилей и несмотря на то, что лекція эта уже нѣсколько разъ предварительно была прочитана публично въ Москвѣ и Рязани и не вызвала тамъ никакихъ недоумѣній ¹⁾).

Содержаніе „Великановъ Промышленности“ вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Департаментъ Труда Соединенныхъ Штатовъ въ Вашингтонѣ, находящійся подъ руководствомъ знаменитаго статистика Карроль Райта (о которомъ я упоминалъ въ главѣ X моихъ „Воспоминаній“), рѣшилъ произвести специальное изслѣдованіе въ Европѣ положенія рабочихъ или точнѣе обезпеченія рабочихъ въ нѣкоторыхъ странахъ и на крупнѣйшихъ фабрикахъ. Для этой цѣли посланъ былъ туда одинъ изъ лучшихъ помощниковъ Райта—статистикъ У и л о г б и (Willoughby). Изложеніе его доклада, нѣсколько въ иномъ порядкѣ и составляло собственно сущность моей лекціи, вызвавшей для меня неожиданно много брани на мою голову. Уилогби изслѣдовалъ въ Европѣ относительно небольшое число фабрикъ во Франціи, Бельгіи и Германіи, но зато весьма типичныхъ и характерныхъ и при томъ самыхъ крупныхъ, поистинѣ „великановъ“ промышленности. Онъ знакомилъ своихъ соотечественниковъ въ докладѣ исключительно съ одной стороной—*обезпеченіемъ рабочихъ* всякихъ видовъ, начиная съ заработной платы и страхованія и кончая разными видами даяній и подарковъ со стороны хозяевъ и, наконецъ, плодами собственной самодѣятельности рабочихъ.

Въ общемъ докладъ Уилогби, положенный въ основаніи моей лекціи, выставляетъ положеніе рабочихъ изслѣдуемыхъ фабрикъ правдиво, но можетъ быть нѣсколько въ розовомъ свѣтѣ, съ свойственной американцамъ слабостью отдавать всегда преимущество крупнымъ формамъ производства передъ всякими иными. Особенно долго останавливался Уилогби на описаніи громадныхъ предпріятій

¹⁾ Лекція эта помѣщена цѣликомъ въ сборникъ „Между дѣломъ“. Спб. 1904 г., стр. 304.

Крупна, „короля пушек“ въ Германіи, гдѣ съ вызывающимъ тономъ спрашивали Уилогби, можетъ ли онъ гдѣ-нибудь найти лучшихъ рабочихъ, чѣмъ тѣ, которые подготовлялись на предпріятіяхъ Крупна щедрыми пожертвованіями хозяина на ихъ образованіе и обезпеченіе?!

Еще выше чѣмъ обычныя, какъ бы онѣ велики ни были, заботы предпринимателя, Уилогби ставитъ *участіе рабочихъ въ прибыляхъ*, при чемъ приводитъ характерную исторію знаменитаго фамилистера Годэна въ Гизѣ во Франціи, гдѣ филантропъ, стоявшій во главѣ заведенія *принудительнымъ образомъ* облагодѣтельствовалъ своихъ рабочихъ постепенно, путемъ постоянныхъ вычетовъ превративши рабочихъ въ единственныхъ собственниковъ всего громаднаго многомилліоннаго фабричнаго заведенія. М-ръ Гринингъ, извѣстный англійскій кооператоръ, лично мнѣ знакомый и пользующійся огромнымъ уваженіемъ и авторитетомъ въ Англии (см. о немъ упоминаніе въ главѣ III „Воспоминаній“ I вып. стр. 104), крайне высоко ставитъ благотворное вліяніе системы Годэна и результаты, имъ полученныя.—„Превосходство производства“, говоритъ онъ въ своей книгѣ по этому предмету, „взятое въ цѣломъ, обязано всегда людямъ, т. е. качеству рабочихъ, поднятыхъ экономически, а черезъ то поднятыхъ нравственно и духовно ¹⁾!“

Въ этомъ, въ сущности, заключается въ краткихъ словахъ, моя лекція о „Великанахъ Промышленности“. *Выгоды одинаковы для хозяевъ и рабочихъ въ мирномъ улаживаніи всѣхъ ихъ споровъ и соглашеніи интересовъ.* Докладъ Уилогби, который легъ въ основаніе моей лекціи, даетъ множество для того указаній и фактовъ, изъ которыхъ наиболѣе типичнымъ и сильнымъ является только что приведенная исторія предпріятія Годэна. Успѣхъ его коопераций такъ поразилъ многихъ слушателей, что ко мнѣ обращались незнакомыя лица съ письмами, даже не только въ Москвѣ, но и въ Рязани, гдѣ я успѣлъ прочесть эту лекцію до ея запрещенія.

Вскорѣ, черезъ какой-нибудь мѣсяць по прочтеніи лекціи „Великаны Промышленности“ появились въ Москвѣ геettoграфированные экземпляры пасквиля, распространяемаго въ образованной публикѣ, который разносилъ мою лекцію и меня лично за ея содержаніе. Обрушиваясь на мою голову избитыми фразами о буржуазіи и классовыхъ интересахъ, паскъвиль этотъ состоялъ собственно не въ аргументахъ или желаніи опровергнуть необходимость приведенныхъ мною идей—мира и соглашенія, вмѣсто безцѣльной и вредной

¹⁾ См. The Cooperative Traveller Abroad, by Edward Owen Greening, London 1888 г., стр. 98.

борьбы хозяевъ съ рабочими, а выражался лишь въ ругательствахъ и голословныхъ утверженіяхъ: очевидно, больше всего фивнымъ друзьямъ рабочихъ, представленнымъ пасквиломъ, противенъ миръ и мирный исходъ и хочется борьбы, не зная о ея результатахъ и забывая, что проигрываетъ всегда слабый. Въ своихъ лекціяхъ того времени, посѣщаемыхъ одинаково, какъ богатыми классами, такъ и рабочими, я имѣлъ двѣ цѣли: 1) смягчить сердца предпринимателей, 2) разсѣять предрасудки противъ выгоды всякихъ затратъ на обезпеченіе рабочихъ, и 3) привлечь правительство къ его обязанности заботиться и думать объ интересахъ рабочихъ, а не однихъ предпринимателей.

„Все это вздоръ, — утверждаетъ памфлетъ, — „мѣдлолюбіе и скрытое проявленіе „вражды къ рабочимъ!“ Нѣтъ тѣхъ бранныхъ словъ, которыми авторы пасквила далѣе не награждали бы меня за желаніе водворить социальный миръ въ Россіи: „современный фарисей“; „тайный врагъ рабочихъ“, „наемный защитникъ интересовъ фабрикантовъ и заводчиковъ“, „поддѣлываетъ науку въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ“, „прихвостень капиталистовъ“, и т. д. и т. д.—„Усилія и старанія профессора не увѣнчались успѣхомъ“... „Все—наглая и откровенная ложь“!!.. „Профессоръ и академикъ Янжулъ“, говоритъ пасквиль въ заключеніе, „съ высоты каѳедры приглашаетъ русскую буржуазію не бояться пролетаріата, не отмахиваться отъ рабочаго вопроса. Не вѣрьте, г.г. русскіе буржуа, вашему профессору, который въ розовомъ цвѣтѣ и сладкихъ словахъ рисуется передъ вами ближайшее будущее! Онъ лжетъ, вашъ великолѣпный фарисей, онъ обманываетъ васъ и себя! (!?) Нѣтъ, если кого и надо бояться русскимъ кровопійцамъ-фабрикантамъ, землевладѣльцамъ... и всякимъ либераламъ, то именно русскаго пролетаріата, и пр. и пр..!“ (!!!???)

Этотъ бредъ сумасшедшаго, какъ видно отсюда, еще раньше, чѣмъ онъ забрался въ лѣвое отдѣленіе нашей Госуд. Думы, раздавался въ Москвѣ по поводу невинной профессорской лекціи, продиктованной преклоненіемъ передъ самой широкой филантропіей и любовью къ человѣчеству и основанной на официальныхъ данныхъ самой свободной изъ странъ міра—Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ!!!...

Самый странный результатъ получился въ концѣ концовъ: наша администрація, которая естественно *должна была бы помогать мнѣ въ борьбѣ съ врагами порядка*, наоборотъ выступила противъ меня и начала систематически воспрепятствовать прочтенію этой лекціи публично въ цѣломъ рядѣ русскихъ городовъ, куда я былъ приглашенъ и уже выразилъ на то свое согласіе. Такъ, въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ я объ-

щался прочесть въ началѣ 1898 г. „Великаны Промышленности“ въ пользу Общества Взаимнаго вспомошествованія учителямъ и учительницамъ, и чтеніе было законнымъ образомъ сначала разрѣшено, оно было запрещено далѣе распоряженіемъ Нижегородскаго Губернатора и вслѣдствіе телеграммы изъ Москвы отъ управляющаго Учебнымъ Округомъ отъ 28 февраля, который призналъ невозможнымъ допустить публичное чтеніе профессоромъ Янжуломъ лекціи „Великаны Европейской промышленности“... Всякое объясненіе причинъ въ обоихъ случаяхъ отсутствуетъ.

Прис. пов. П. А. Рождественскій, замѣнявшій тогда въ этомъ Обществѣ больнога предсѣдателя, извѣщая меня въ письмѣ отъ 3 марта 1898 г. объ этомъ печальномъ инцидентѣ и сожалѣніи всѣхъ представителей благотворительнаго общества, потерявшаго лишь деньги на расходы приготовленія, добавляетъ къ своему письму: „Комментаріи, надѣюсь, излишни; сообщаемые матеріалы современемъ найдутъ себѣ достойное мѣсто на страницахъ „Русской Старины“ (что мною въ настоящее время отчасти и исполняется) и будутъ достаточнымъ образомъ оцѣнены историкомъ нашего просвѣщенія“... (!!!).

Единовременно съ Нижнимъ Новгородомъ ко мнѣ начали поступать просьбы о прочтеніи той же публичной лекціи—„Великаны Промышленности“ со всѣхъ концовъ Россіи: такъ изъ Саратова, Тамбова, Тулы (нѣсколько просьбъ), изъ Харькова, Ростова на-Дону—и все это почти въ теченіе одного мѣсяца! Всѣ эти просьбы о лекціяхъ присылались или непосредственно ко мнѣ лично, или черезъ знакомыхъ, или, наконецъ, черезъ только что устроенное специальное отдѣленіе Комиссіи по организаціи домашняго чтенія. (Черезъ посредство проф. Новгородцева и Е. Н. Орлову). Съ нѣкоторыми изъ приглашавшихъ, напримѣръ въ Харьковѣ профессорами Багалѣемъ и Данилевскимъ, я уже условился о подробностяхъ, давши согласіе, относительно двухъ лекцій, и сдѣланы были всѣ соотвѣтствующія распоряженія, кончая наймомъ залы, фиксированнымъ днемъ и проч. Точно также все было слажено относительно Тулы и Тамбова, гдѣ энергично дѣйствовали мои бывшіе ученики, желавшіе меня послушать.

Но внезапно полученная мною 2-го марта телеграмма, а затѣмъ письмо отъ Правленія Общества Попеченія объ учителяхъ и учительницахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, сразу сокрушили всѣ эти благія начинанія по распространенію идей соціального мира: въ Тулѣ уже получено было увѣдомленіе о неразрѣшеніи мнѣ тамъ чтенія лекцій, а такъ какъ источникомъ этого распоряженія являлось само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ я убѣдился не-

медленно справкой въ канцеляріи попечителя Московскаго округа, то дальнѣйшія хлопоты и намѣренія предположеннаго чтенія во многихъ городахъ становились бесполезными и тщетными: пришлось лишь списаться съ устроителями лекцій въ разныхъ городахъ и сообщить имъ печальное и неожиданное извѣстіе. Особенно прискорбно мнѣ это было относительно Харькова, Тулы и Тамбова, гдѣ дѣло зашло уже далеко, и произведены были всѣ предварительныя формальности, включая назначенія дней моего пріѣзда. Изъ какого-то города даже присланы были деньги на желѣзнодорожный билетъ!..

Такъ покончилась первая моя попытка выступить съ моими чтеніями, т. е. во всеобщее обращеніе съ самыми невинными мечтаніями о социальномъ мирѣ и лекціей по своему содержанию столь же противной для вкусовъ подпольныхъ агитаторовъ, какъ ладонь для чорта!.. Но увы! всякое невинное дѣйствіе у насъ можетъ быть признано опаснымъ для спокойствія и порядка и, наоборотъ, бездѣйствіе и ничегонедѣланье объявлено желательнымъ!

Близко по времени къ лекціи „Великаны Промышленности“, была прочитана мною въ Москвѣ и новая лекція также въ пользу социальнаго мира, удачно составленная, благодаря хорошему матеріалу—„Милліоны и что съ ними дѣлать“? Слухъ объ этой лекціи до провинціи, большею частью, дошелъ вмѣстѣ съ „Великанами“, и предполагалось читать объ лекціи, одновременно, почему эта лекція, имѣвшая огромный успѣхъ въ Москвѣ и затѣмъ въ Петербургѣ, въ провинцію не попала, несмотря на всѣ ожиданія и желанія, которыми меня осаждали. Въ виду особаго успѣха и чрезвычайнаго денежнаго тиража, который „Милліоны“ за собой повели для нашихъ благотворительныхъ учрежденій, я долженъ ознакомить читателя моихъ „Воспоминаній“ хоть вкратцѣ съ содержаніемъ этой любопытной лекціи.

Знаменитый американскій милліардеръ Андрю Карнеджи или Карнеги написалъ небольшую, но очень сильную книжку о богатствѣ и о способахъ распоряженія имъ ¹⁾. Главная идея этого человѣка, имѣвшаго счастье въ теченіе жизни нажить много, много милліоновъ, заключается съ одной стороны въ защитѣ существующаго экономическаго порядка и восхваленіи накопленія богатствъ, чѣмъ онъ занимался всю жизнь, съ другой же—въ организаціи настоящей господствующей системы передачи богатства послѣ смерти путемъ наслѣдства; доказывая необходимость коренной реформы въ этомъ послѣднемъ отношеніи путемъ раздачи состоянія богатыми людьми на добрыя

¹⁾ Wealth and the Best Fields for Philanthropy, by Andrew Carnegie, the American Millionaire. London. The Victoria Publishing Company.

общественныя цѣли, но еще *при жизни ихъ*. „Всемогущій долларъ,—говорить Кэрнеджи въ своемъ оригинальномъ „Евангеліи Богатства“, какъ прозвана его замѣчательная книжка,—часто является истиннымъ проклятіемъ, которе ведетъ дѣтей къ несчастію, приучая ихъ къ лѣни и роскоши, и если крайняя бѣдность часто ухудшаетъ нравственность человѣка, то нерѣдко, и даже чаще то же самое дѣлаетъ богатство, не нажитое трудомъ“... „Вообще наслѣдства дѣлаютъ“,—по его заключенію,—„чаще вредъ, чѣмъ добро“, вслѣдствіе чего Кэрнеджи рекомендуетъ родителямъ оставлять своимъ дѣтямъ лишь умѣренный достатокъ, необходимый для безбѣднаго существованія, остальнымъ же имуществомъ распорядиться иначе, раздавая его еще при жизни на добрыя дѣла.

Затѣмъ Кэрнеджи внушаетъ своимъ собратьямъ—милліонерамъ, что богатства, ими составленныя, въ дѣйствительности являются лишь фондомъ, временно довѣреннымъ судьбою ихъ попеченію. Милліоны составляютъ, утверждаетъ онъ, предметъ лишь временнаго пользованія богачей и должны непременно быть возвращены народу. Единственное условіе,—чтобы эти богатства затрачивались отнюдь не на личную филантропію, не въ формѣ милостыни, которая развращаетъ и берущаго и дающаго... „Милостыня, большею частію, наслѣдіе порока, а не помощь добродѣтели“... Поэтому Кэрнеджи, осуждая такое употребленіе денегъ, дѣлаетъ попытку указать или пересчитать тѣ важнѣйшія общественныя нужды, которыя, по условіямъ американской жизни, могутъ въ ней наибѣе имѣть примѣненіе. Онъ называетъ шесть такихъ способовъ пожертвованія: основаніе общественныхъ библіотекъ, университетовъ, госпиталей, зданій для собранія и увеселенія народа, общественныхъ парковъ, бань и купалень, церквей и часовенъ разнаго вѣроисповѣданія. Сверхъ того цѣли употребленія милліоновъ разнообразятся по странамъ и по времени ¹⁾.

„Евангеліе Богатства“ (еще въ корректурѣ пересланное знаменитому Гладстону, тогда еще жившему) встрѣтило полное и искреннее сочувствіе маститаго государственнаго человѣка и филантропа. Въ томъ же 1890 году доявилось обширное открытое письмо этого

¹⁾ Какъ извѣстно, въ настоящее время Кэрнеджи по какой-то причинѣ, не совсѣмъ ясной, только что пожертвовалъ шести европейскимъ государствамъ, въ томъ числѣ Россіи, модели съ гигантскаго ископаемаго, очевидно по совѣту какого-либо геолога, увлеченнаго спеціальными интересами своей науки. Разумѣется, согласно русской поговоркѣ „дареному коню въ зубы не смотрять“, но я смѣю думать, что для нуждъ нашего отечества, по крайней мѣрѣ, можно было бы найти много иныхъ, гораздо болѣе полезныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ пожертвованія.

почтеннаго лица къ Кэрнеджи. Въ качествѣ компетентнаго судьи, какъ бывшаго нѣсколько разъ министромъ финансовъ Великобританіи, богатѣйшаго государства Европы, Гладстонъ подтверждаетъ быстрый ростъ и увеличеніе въ современномъ мірѣ чрезмѣрныхъ богатствъ, которыя онъ остроумно называетъ терминомъ „безответственныя богатства“, которыя, по его мнѣнію, *безответственны* въ томъ смыслѣ, что, въ большинствѣ, они не несутъ никакой тягости и не оказываютъ пользы, уклоняясь часто отъ налоговъ и не возвращаясь къ тѣмъ классамъ, которые трудились надъ ихъ созданіемъ.

Далѣе, дѣлая обзоръ, шагъ за шагомъ, указанной книжки американскаго милліонера, Гладстонъ цѣликомъ присоединяется къ важнѣйшей идеѣ Кэрнеджи—раздачѣ богатства лишь при жизни собственника и дѣлаетъ лишь нѣкоторыя поправки и дополненія по другимъ, большею частью, второстепеннымъ пунктамъ. Гладстонъ оспариваетъ самое названіе добродѣтели у акта пожертвованія путемъ завѣщанія послѣ смерти: „Уже имущество отнято“,—говоритъ онъ,—„у насъ смертью; слѣдовательно, мы лично не можемъ имъ пользоваться, также какъ не можемъ прогуливаться по Bond-street или Hyde-Park“... Мало того, такой способъ распоряженія богатствами деморализируетъ людей при ихъ жизни, давая какъ бы оправданіе въ собственныхъ глазахъ, чтобы быть жаднымъ и скупымъ при жизни. Наконецъ этотъ способъ посмертныхъ пожертвованій является какъ бы уклоненіемъ изъ подъ цѣлительнаго и свободнаго дѣйствія общественнаго мнѣнія.

Наконецъ въ заключеніе „великій старецъ“, какъ прозвали Гладстона еще при жизни, примыкаетъ всецѣло къ критикѣ американцемъ современныхъ формъ благотворительности, т. е. милостыни и даровщинки. Мало того, онъ объявляетъ задачей своего письма именно наибольшее распространеніе главнѣйшихъ идей Кэрнеджи; онъ надѣется, что если сѣмя, посеянное имъ (т. е. Кэрнеджи), не дастъ самъ-шестьдесятъ, или самъ-сто, то, надѣется мастистый министръ, оно дастъ по крайней мѣрѣ *самъ-тридцать*. Дѣло серьезное и касается всѣхъ. „Во всякомъ случаѣ въ формѣ личнаго ли добровольнаго пожертвованія или спеціальнаго для того обложенія“,—говоритъ Гладстонъ,—„богатые обязаны будутъ возвратить часть своихъ богатствъ народу“... Такъ сказалъ и рѣшилъ по столь важному вопросу великій Гладстонъ!

Статья Гладстона обратила всеобщее вниманіе: о ней заговорили во всѣхъ углахъ Англій, и появились сочувственные отзывы и отклики въ формѣ открытыхъ писемъ отъ высшихъ духовныхъ лицъ трехъ разныхъ вѣроисповѣданій. Отклики эти были напечатаны въ

слѣдующей же за Гладстономъ книжкѣ журнала „Nineteenth Century“ подѣ общимъ заглавіемъ „Безъотвѣтственное богатство“, какъ окрестилъ Гладстонъ тѣ милліоны, которые должны быть возвращены богатыми непременно народу. Эти духовныя лица, подавшія свой голосъ по данному важному филантропическому вопросу, были: извѣстный ученый кардиналъ и католическій архіепископъ Маннингъ, нынѣ уже давно умершій, главный раввинъ въ Лондонѣ Адлеръ и извѣстный протестантскій проповѣдникъ въ Англіи Гюгъ Прайсъ Юзъ. Всѣ три открытыхъ письма этихъ духовныхъ лицъ или статьи ихъ были напечатаны, какъ выраженіе англійской вѣротерпимости, рядомъ на страницахъ одного и того же журнала — „Деятнадцатаго Вѣка“ (ноябрь 1890 г.). Всѣ три почтенныхъ автора совершенно одинаково, въ сущности, сочувственно относятся къ предложенію Кэрнеджи пожизненно распоряжаться „безъотвѣтственными богатствами“. Лишь нѣсколько отстываетъ отъ своихъ сотоварищей досточтимый Юзъ, признавая существующій экономическій порядокъ, который создаетъ милліонера, самъ по себѣ ненормальнымъ. Маннингъ всего ближе подходитъ къ мнѣнію Кэрнеджи и Гладстона и, анализируя ихъ подробно, приходитъ къ рѣшительному заключенію о необходимости въ нашъ вѣкъ принять твердыя мѣры, „дабы уничтожить бѣдность и возмутительную нищету“. Ключъ для этой реформы—говоритъ кардиналъ,—„заключается вовсе не въ новомъ законодательствѣ, а въ усиліяхъ отдѣльныхъ лицъ сдѣлать себя лучше, въ личномъ самопожертвованіи, въ развитіи духа благотворительной гуманности и самоотреченія“... Предложеніе милліонера распоряжаться богатствами лишь при жизни, вмѣсто системы наслѣдства, находитъ полное сочувствіе этого замѣчательнаго католическаго архіепископа. „Эта мысль—говоритъ онъ—совершенно согласна съ духомъ христіанскаго ученія и, если бы люди такъ поступали, то измѣнилась бы наружность всего міра“... Итакъ, развитіе личной симпатіи между людьми, требуемой для широкой филантропической реформы, можетъ явиться лишь результатомъ самопожертвованія и одно лишь въ состояніи спасти міръ.

Еврейскій раввинъ Адлеръ совершенно примыкаетъ къ этимъ требованіямъ филантропіи и реформъ наслѣдства. По его словамъ, эта мысль даже не новая, составляя повтореніе того, что было санкціонировано Библіей; онъ приведетъ изъ нея образцы и примѣры. Моисеево законодательство вообще узаконяетъ, по словамъ Адлера, что десятая часть всего производства должна идти на свѣтлыя дѣла, и онъ самъ знаетъ многихъ единовѣрцевъ, которые самымъ строгимъ образомъ исполняютъ предписаніе объ обязательной раздачѣ

„десятины“, и записи своихъ расходовъ на благотворительность ведутъ не менѣе строго, чѣмъ свои торговыя книги. Кэрнеджи и Гладстонъ, по словамъ почтеннаго раввина, повторяютъ такимъ образомъ старый урокъ, но пригодный по своему качеству и къ новымъ условіямъ. „Никогда не было,—заключаетъ онъ,—большей надобности проповѣдывать обязанности богатства и права бѣдности, какъ именно въ настоящее время, ибо никогда пропасть между бѣдностью и богатствомъ не была такъ велика, какъ именно теперь!!“...

Изложивши во всей подробности „Евангеліе Богатства“, Кэрнеджи съ его выводами, и обширную статью по поводу него Гладстона съ добавленіями трехъ духовныхъ лицъ о „безъотвѣтственныхъ богатствахъ“, я перешелъ въ своей лекціи о „Милліонахъ“ къ иллюстраціямъ на эту тему филантропическихъ учрежденій и подробно ознакомилъ слушателей съ однимъ подобнымъ учрежденіемъ, основаннымъ лишь въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ—Институтомъ Геэ (Gehe stift). Хотя, обратно съ ученіемъ Кэрнеджи, Институтъ этотъ, имѣющій широкія образовательныя цѣли на родинѣ основателя Саксоніи, основанъ послѣ смерти жертвователя, но по точной мысли, къ выполненію которой онъ готовился всю жизнь и также на деньги, нажитыя собственнымъ трудомъ.

Наковецъ въ заключеніе я обратился къ нашему отечеству—къ Россіи—и задался вопросомъ, насколько всѣ мнѣнія и выводы Кэрнеджи и Гладстона могутъ имѣть примѣненіе къ Россіи? На это я рѣшительно отвѣтилъ, что хотя у насъ, сравнительно со многими странами, можетъ быть богатства еще относительно мало, но это не мѣшаетъ тому факту, что у насъ имѣется также, и при томъ въ весьма значительной степени, развитіе богатствъ, принадлежащихъ къ категоріи „безъотвѣтственныхъ“, при чемъ я привелъ примѣры неудовлетворительной организаціи нашей налоговой системы, способствующей именно развитію у насъ такихъ богатствъ, которыя не несутъ никакой своей доли на общественныя нужды или несутъ слишкомъ мало. Этому же обстоятельству, т. е. развитію у насъ, въ относительно небогатой странѣ, значительнаго количества „безъотвѣтственнаго богатства“, много способствуетъ и другая причина: это—вѣковая привычка всего нашего общества, *какъ можно болѣе ожидать отъ государства и какъ можно меньше ему давать*, при отсутствіи развитія личной и частной инициативы и безъ привычки обходиться собственными силами и собственнымъ разумомъ. У насъ во всемъ надѣются получить помощь отъ правительства и вообще ждутъ ее лишь сверху.

Лекція эта „о милліонахъ“, прочтенная въ Москвѣ 21 февраля 1898 года (въ пользу голодающихъ крестьянъ разныхъ губерній), имѣла громаднѣйшій успѣхъ, гораздо большій, чѣмъ я могъ мечтать. Обширная аудиторія Историческаго музея была набита народомъ сверху донизу. Многимъ не достало билетовъ, и устроители (во главѣ ихъ г-жа Самарина) рѣшили пускать публику безъ билетовъ, съ правомъ стоять въ проходахъ. Общій сборъ превысилъ 800 руб., при наличности слушателей примѣрно около 900 человекъ. На лекціи присутствовали многія очень извѣстныя лица изъ общественныхъ дѣятелей и капиталистовъ. Такъ, на первомъ мѣстѣ, противъ самой кафедры сидѣлъ извѣстный К. Т. Солдатенковъ, рядомъ съ нимъ адвокатъ Плевако, много извѣстныхъ мнѣ лично банковыхъ дѣятелей и лицъ изъ торговаго и фабрикантскаго міра. Лекція окончилась поздно, около 12 часовъ ночи. Вызовамъ и оваціямъ не было конца.

Но главный, пріятнѣйшій результатъ готовился мнѣ на слѣдующій день. Утромъ почта принесла съ собой цѣлый рядъ увѣдомленій отъ извѣстныхъ лицъ и безъ подписей, о пожертвованіяхъ въ мое распоряженіе для благотворительныхъ цѣлей большихъ или меньшихъ суммъ, какъ внѣшній знакъ выраженія благодарности и сочувствія къ моему чтенію и проводимымъ въ немъ мыслямъ. Первое по времени письмо гласило слѣдующее:

„Побуждаемые чувствомъ благодарности къ Вамъ за вчерашнюю лекцію Вашу „о милліонахъ“, мы просимъ Васъ, по полученіи этихъ строкъ, почтить насъ указаніемъ наиболѣе симпатичнаго Вамъ дѣла для образовательныхъ цѣлей бѣднѣйшаго народа, на что мы рѣшили предоставить сумму, не менѣе той, какую составилъ сборъ со вчерашней лекціи. Покорнѣйше просимъ Васъ въ прилагаемомъ конвертѣ съ адресомъ, сообщить намъ такое дѣло, мѣсто или учрежденіе, куда для того адресоваться, а также и сумму сбора съ Вашей лекціи. Искренне уважающіе Васъ слушатели лекціи „о милліонахъ“.

„М. 22 февраля 1898“.

Я сдѣлалъ немедленно справку у распорядительницы лекціи и послалъ ее по означенному адресу, прося всѣ возможныя въ этомъ случаѣ пожертвованія направлять не прямо ко мнѣ, а въ Редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“.

За этимъ крупнымъ пожертвованіемъ послѣдовало немедленно таковое же въ тысячу рублей прямо въ мое распоряженіе, на тѣ цѣли, которыя я сочту нужными, затѣмъ 500 рублей, съ просьбой удѣлить часть на нуждающихся крестьянъ Орловской и Тульской губерній. Далѣе 300 рублей опять въ мое распоряженіе, съ прось-

бой 100 рублей выдѣлить на раздачу вспомошествованія крестьянамъ Воронежской губерніи, жертвователъ не извѣстенъ. Далѣе 285 рублей, присланныхъ при письмѣ, на помощь „нуждающимся отъ неурожая“ Орловской губерніи, подписано: „отъ усерднаго слушателя Вашихъ публичныхъ лекцій“. Затѣмъ, отъ неизвѣстныхъ прислана тысяча рублей, изъ коихъ, по моему указанію, 500 р. употреблено въ пользу Пречистенскихъ классовъ для рабочихъ Техническаго Общества и 500—на устройство подвижныхъ игръ для дѣтей при гимнастическомъ Обществѣ.

Итого, слѣдовательно, моя лекція „о милліонахъ“ принесла для разныхъ благотворительныхъ цѣлей, включая 800 рублей по первому письму, свыше 3.800 рублей, а включая сборъ со слушателей болѣе 4½ тысячъ рублей.

Если бы я не имѣлъ для большей части этихъ денегъ росписокъ изъ конторы „Русскихъ Вѣдомостей“, то я самъ бы не повѣрилъ такому небывалому успѣху своего чтенія на пользу благотворительности, тѣмъ болѣе, что я раньше настоящаго—итоговъ не подводилъ, не имѣя въ томъ надобности.

Помимо денегъ посыпались со всѣхъ сторонъ въ этотъ послѣдній, счастливый годъ моей профессорской дѣятельности въ Москвѣ, во-первыхъ, многочисленныя справки и просьбы о помощи отъ разныхъ лицъ и учрежденій, во-вторыхъ, просьбы объ указаніи печатныхъ матеріаловъ, употребленныхъ для приготовления моей лекціи. Такъ, одно письмо проситъ указать, гдѣ моя лекція будетъ напечатана, и существуетъ ли на русскомъ языкѣ книга Кэрнеджи? Другое письмо,—въ какомъ журналѣ она будетъ напечатана, и, наконецъ, К. Т. Солдатовъ мнѣ до тѣхъ поръ извѣстный только въ лицо, подошелъ ко мнѣ съ убѣдительною просьбой дать лекцію для его изданія, но мнѣ пришлось отклонить эту просьбу, объяснивъ ему ничтожныя размѣры брошюры „Евангеліе богатства“ и желаніе свою лекцію видѣть первоначально въ журналѣ, что и сдѣлалъ вскорѣ „Вѣстникъ Европы“.

Госпожа Кувшинникова, мнѣ совершенно не знакомая, просила у меня денегъ (въ Старомъ Осколѣ Тульской губерніи) на устройство аудиторіи въ какой-то слободѣ и на школу.

Казаки Рамодановскаго хутора Полтавской губерніи и учительница ихъ школы просили меня оказать имъ помощь при устройствѣ школы и библіотеки, при чемъ ходатайство носило совершенно официальный характеръ, съ приложеніемъ казенной печати, и въ заключеніе также просьба повторить въ ихъ пользу мою лекцію „о милліонахъ“.

Священникъ Могилевской губерніи (станція Краснополъе), прочти

отчетъ объ этой лекціи, обратился также съ почтительной просьбой и „дерзновеніемъ“, какъ онъ выразился, удѣлить часть собранныхъ денегъ на устройство и обновленіе его бѣдной церкви, иконостаса и утвари. „Если же возможно“, пишетъ онъ, „то взять даже на себя роль ходатая о его нуждахъ въ Москвѣ передъ богатыми москвичами, мнѣ лично вѣроятно извѣстными“. „Изъ газетныхъ отзывовъ“, пишетъ онъ, „о Вашей прекрасной лекціи, видно, что слушателей, и въ числѣ ихъ владѣтелей милліоновъ, у Васъ было не мало, нельзя ли поэтому Вамъ предложить о нашихъ нуждахъ?“.

Другой неизвѣстный мнѣ почитатель моихъ лекцій обратился ко мнѣ съ цѣлымъ рядомъ совѣтовъ, куда употреблять нужно собираемыя деньги. „Очень Вамъ благодаренъ“, пишетъ онъ, „за лекцію о милліонахъ, и что Вы предаете гласности тѣхъ милліонеровъ (будто бы?), которые умерли, ничего не сдѣлавши для ближнихъ, и которые и сейчасъ живутъ, но также глухи и безучастны къ нуждѣ ближняго. Кромѣ Вашихъ сказанныхъ полезныхъ дѣлъ, у насъ не достаетъ дешевыхъ квартиръ, рабочихъ домовъ, гдѣ могъ бы бѣдный заработать хлѣбъ и ночлегъ, недостаетъ также пріютовъ для подкидышей, за неимѣніемъ возможности заплатить въ воспитательный домъ установленной платы, поэтому часто бросаютъ дѣтей на улицу на явную гибель, какъ видно изъ газетъ. А еще сколько мы не видимъ и не знаемъ. На многихъ углахъ и папертяхъ стоятъ нищіе: не подавать—грѣхъ да и жалко, сказано, просящему дай, а давая копѣйку, дѣлаемъ пользу кабаку, котораго, если бы не было, то было бы меньше бѣдности и преступленій. А въ провинціи сколько голодающихъ отъ неурожаевъ, безработицы, сколько нищеты у переселенцевъ, сколько бѣдности отъ пожаровъ. На всѣ эти необходимыя у насъ нѣтъ ни одного учрежденія, куда бы могли направлять жертвованія. Когда все это будетъ предано гласности, то несомнѣнно найдутся добрые люди. У насъ, вѣдь, много личностей и товариществъ, имѣющихъ капиталы, а также дохода болѣе милліона въ годъ, какъ видно изъ отчетовъ. Не вредно, пишетъ онъ, отъ такихъ доходовъ, кромѣ 5⁰/₀, брать еще 10⁰/₀ на нужды ближняго, въ пользу города“, и т. д. и т. д., слѣдуютъ такіе же совѣты, не стѣсняясь предлагать съ богатыхъ больше брать въ пользу бѣдныхъ!!!... :

Я получалъ запросы о своей лекціи даже изъ-за границы, на примѣръ одно любовитное письмо изъ Швейцаріи (изъ Женевы), отъ одной молодой дамы, которую я зналъ ребенкомъ и которая успѣла выйти замужъ за иностранца, но не потеряла, очевидно, связи и памяти о Россіи. Она спрашиваетъ меня, гдѣ будутъ напе-

чатаны мои публичныя лекціи этого года (т. е. 1898 г.) и въ какомъ журналѣ? „Мнѣ особенно интересно“, пишетъ она, „прочестъ лекціи, такъ затронувшія человѣческія сердца; будьте добры сообщить, если онѣ будутъ напечатаны, то какимъ путемъ мнѣ ихъ достать. Мой мужъ страшно также заинтересованъ человѣкомъ, читающимъ такія замѣчательныя лекціи“!..

Но самое крупное, какъ по содержанію, такъ и по размѣрамъ, я получилъ письмо 18 марта, безъ подписи и по всей вѣроятности написанное женщиной и по профессіи учительницей, или гувернанткой. Оно занимаетъ собой цѣлый большой листъ почтовой бумаги, мелко исписанный. Я позволю себѣ привести только нѣкоторыя, болѣе характерныя выдержки изъ этого любопытнаго письма:

„Позвольте Васъ отъ всей души благодарить“, такъ начинается оно, „за истинно христіанское дѣло и храбрость, съ которой Вы такъ прямодушно высказались передъ нашими невѣжественными купцами-милліонерами, которые Великимъ постомъ (лекція читалась именно въ Великомъ посту, на первой недѣлѣ въ воскресенье, на сколько мнѣ помнится) дѣлаются иногда будто бы добрѣе и милостивѣе къ бѣднымъ, и даже къ образованнымъ, надъ которыми они всегда готовы издѣваться, говоря съ ядовитой улыбкой: „Вольно же вамъ копѣть надъ книгами, когда можно разбогатѣть безъ всякой науки, одними кабаками, одной лишь бездушной сноровкой умѣть обманывать своего брата“. „Вотъ почему давно надо обратить строгое вниманіе на это вопіющее зло, которое теперь еще болѣе усилилось по милости нашихъ очень и очень сомнительныхъ друзей французъ, которые начали совсѣмъ переселяться въ Россію для своего обогащенія и для вреда нашему народу. Даже въ деревняхъ начали проявляться никуда уже негодныя французенки, которѣмъ ни почему портить глупыхъ нашихъ бабъ, научая ихъ разнымъ мерзостямъ, о которыхъ и писать совѣстно“... По словамъ автора, „деревенскія дѣвицы покидаютъ будто бы деревни для того только, чтобы развратничать въ Москвѣ по меблированнымъ комнатамъ, гдѣ онѣ, не желая честно служить, лишь пьянствуютъ съ дворниками и швейцарами(?!). Давно надо бы смотрѣть за всѣми этими непорядками и стремиться ихъ искоренить. Прежде всего надо начать съ того, чтобы строго слѣдить за купцами—богачами, научившимися развѣзжать по за-границамъ и тамъ срамить Россію своими дикими безобразіями. Этихъ богачей нечего щадить, ихъ давно надо подвергать штрафу не менѣе 25 тысячъ въ годъ съ каждаго живущаго за границей и тратящаго свои милліоны на одинъ лишь развратъ и кутежи, при чемъ возвращаются домой совершенно негодными, да

еще притащутъ съ собой цѣлый штатъ дармоѣдовъ, подь предлогомъ учителей. А развѣ французъ можетъ быть учителемъ?“—спрашиваетъ она, „кромѣ однихъ кривляній онъ ничего не понимаетъ, какъ это видно по обществу, находящемуся у развратника и безбожника Омона (извѣстный въ Москвѣ кафе-шантанъ, кажется уже теперь закрытый), которому дозволено забавлять нашихъ скучающихъ бездѣльниковъ, а купцы оттуда начали даже приглашать въ домъ французенокъ гувернантками...“ (!!!?)

Далѣе продолжаютъ такія же сильныя реплики противъ французенокъ-гувернантокъ, которыя прїѣзжаютъ въ Россію только наживаться и портить своихъ питомцевъ.

„Вотъ почему многіе купцы богачи сами за свои деньги погубили своихъ саврасовъ, воспитавъ ихъ рысканіемъ по за-границамъ, а въ Москвѣ они не могутъ до сихъ поръ построить пріютъ для престарѣлыхъ труженицъ, которымъ приходится мучиться съ ихъ тупоумными ребятишками, грубыми и привыкшими своевольничать съ своими дурами няньками, старающимися вооружать ихъ противъ гувернантокъ, твердя постоянно: „Да къ чему Вамъ, батюшка, учиться, и слушать Вашу мамзель... Вашъ отецъ ничему не учился, а нажилъ себѣ милліоны“. Вотъ каковы наши купцы и какъ трудно у нихъ жить честнымъ, нравственнымъ гувернанткамъ. Между тѣмъ какъ теперь самыя лучшія мѣста по выгодѣ считаются купеческія, ихъ очень мало, потому что купцы воображаютъ, что можно довѣрять дѣтей такимъ иностраннымъ бездушнымъ развратницамъ. Для чего же у насъ существуютъ институты, гдѣ воспитываются сироты высшаго сословія, чтобы быть учительницами, какъ это было при великомъ и мудрому Государѣ Николаѣ Павловичѣ“... и пр. и пр... „а теперь купчики лишь катаются за границей и возвращаются оттуда съ пустыми головами и съ дырявыми карманами. Вы бы могли, г-нъ профессоръ“, обращается почтенный авторъ ко мнѣ, „посоветовать этимъ упитаннымъ тѣльцамъ уступить домъ для московскихъ тружениковъ, назначивъ Васъ управляющимъ этимъ домомъ(?!), какъ честнаго и дѣльнаго чиновника, всегда готоваго войти въ положеніе трудящихся и не могущихъ прискать себѣ спокойное помѣщеніе въ Москвѣ! Какое же Вы сдѣлали бы также великое дѣло, уговоривъ г-жу Алексѣеву построить пріютъ для престарѣлыхъ тружениковъ близъ Іерусалимскаго подворья“ и т. д. „Да вразумить Васъ Всевышній, какъ достигнуть этой благородной и честной цѣли и пробудить отъ преступной спячки нашихъ толстопузовъ, спасти ихъ отъ смерти, привлекая на добрыя дѣла, за которыя имъ будутъ прощены ихъ великіе грѣхи, а Вамъ бы досталась слава быть честнымъ направителемъ этихъ бездушныхъ

богачей, не умѣющихъ съ пользою употреблять свои милліоны. Аминь.“(!?..)

Это любопытное письмо, какъ откликъ и неожиданный результатъ моей лекціи, не требуетъ многихъ комментариевъ и во всякомъ случаѣ указываетъ, какъ содержаніе горячо мною изложенныхъ моихъ „милліоновъ и что съ ними дѣлать“ взбудоражило московскіе умы въ самыхъ далекихъ даже углахъ и у самыхъ разныхъ представителей московскаго и вообще русскаго населенія.

Любопытно, насколько Петербургъ отличается отъ Москвы. Разница двухъ нашихъ столицъ рѣзко сказалась по поводу моего чтенія. Переселившись въ томъ же 1898 году въ Петербургъ, я дважды, какъ и въ Москвѣ, прочелъ свою лекцію „о милліонахъ“, но далеко не съ такими уже результатами. Въ Петербургѣ, во-первыхъ, не пришлось и половины слушателей противъ Москвы. Залъ Соляного Городка втрое меньше, вѣроятно, чѣмъ Историческій Музей, имѣлъ много пустыхъ мѣстъ, особенно при повтореніи лекціи. Разумѣется, въ чиновничьемъ Петербургѣ я не получилъ никакихъ денегъ на благотворительныя цѣли какъ это было въ богатой купеческой Москвѣ. Какъ говорили мнѣ друзья, на второй лекціи слышали даже попытки отдѣльныхъ лицъ шикать за тѣ самыя мѣста (какъ, на примѣръ, письмо Гладстона и Адлера и пр.), которыя вызывали въ Москвѣ неудержимые аплодисменты!!

Мало того, я удостоился въ Петербургѣ получить даже сатиру на свою лекцію, написанную въ стихахъ, которой и заключу свои настоящія воспоминанія объ этомъ поучительномъ эпизодѣ изъ моей профессорской жизни:

29 ноября 1898 года.

„Преуважаемый профессоръ!

Узнавъ, что Вы для школъ
 Гроши собрать хотите,
 (Что не соръ)
 Вамъ русской шлю рефлексъ души,
 Вотъ онъ:
 Давнымъ давно я излагалъ,
 Что безъ свободы въ людяхъ мысли,
 Свобода слова лишь бурьянъ,
 Не выростетъ приволье въ жизни.
 Давно я также вопрошалъ,
 Бесѣдуя о благахъ мира,
 Какой законъ бы я издалъ,
 Когда бы былъ Владыкой Міра

И отвѣчалъ лишь „вертопрахамъ“
 Милліоны можно настязать,
 И въ лучшемъ случаѣ, съ бахвальствомъ,
 Ихъ дѣлу доброму отдать.
 А потому, пусть всякій смертный,
 Милліонъ коль франковъ наживетъ,
 Несетъ избытокъ въ храмъ народный,
 „Меньшая братья“ гдѣ живетъ.
 Не принесетъ кто—отобрать!!!
 Тогда „Ротшильды“ невозможны
 И „Дрейфусары“ улетятъ,
 Тогда о мирѣ въ мирѣ можно
 И „слово Царское“ понять!!!

Эта странная сатира даже подписана, и авторъ ея просилъ сообщить объ его письмѣ на моей лекціи, параллельно съ другими открытыми письмами, чего, естественно, я сдѣлать въ свое время не могъ и исполняю его желаніе лишь теперь (и то лишь отчасти), предавая гласности его произведеніе, но изъ скромности умалчиваю его имя...

Иванъ Янжуль.

